

Хэнкса являются общества, стремящиеся к предельному использованию своего энергетического потенциала: колоссальное превышение энергетических затрат над требованиями холдинга порождает социальные проблемы, извращения, одним словом, зло, проявлением которого являются, например, «затраты материальных и людских ресурсов на производство вещей, которые вскоре выйдут из моды, не будучи израсходованы, на производство — ценой миллионов человекодней — оружия для убийства десятков людей в далеких джунглях» (стр. 162).

Как уже отмечалось в нашей рецензии, положительная программа Хэнкса противоречива и весьма консервативна. Более того, он, по-видимому, переносит идеалы биологического равновесия в область социальных отношений. Хэнкс пишет: «...социальная стабильность в Таиланде, и, вероятно, вообще на Востоке может быть скорее достигнута путем поощрения развития различий в благосостоянии, нежели борьбой за социальное равенство... Те, кто видит прогресс лишь в возвышении среднего класса, могут способствовать разрушению того симбиоза, на котором держится порядок» (стр. 117). Но свою книгу он заканчивает весьма здравыми суждениями: «...мир священен и надо относиться к нему как к таковому. Труд производящий — наш священный долг» (стр. 163).

Е. В. Иванова

НАРОДЫ АФРИКИ

Lothar Stein. *Wandervolk der Wüste*. Leipzig, 1974, 334 S.

Вышла в свет книга «Кочевники пустыни» сотрудника Лейпцигского музея этнографии Лотара Штайна, который известен специалистам как автор ряда содержательных публикаций по этнографии бедуинов¹. В новой книге Л. Штайн в отличие от своих прежних работ, посвященных отдельным группам бедуинов, ставит целью дать представление обо всем кочевом арабоязычном мире, простирающемся от песков Северной Африки до пустынь Аравийского полуострова и Передней Азии. Будучи полевым этнографом, свободно владеющим арабским языком, Л. Штайн, естественно, положил в основу книги материал своих собственных наблюдений (в течение ряда лет он работал среди бедуинов Судана, Египта и Ирака). При этом широко использованы источники и специальная литература. Освещая разные стороны быта кочевников, автор знакомит читателя с жизнью бедуинов в наши дни. Обилие свежих сведений придает книге «Кочевники пустыни» особый интерес, ибо до сих пор литература небогата материалами, позволяющими в полной мере понять, насколько интенсивны современные социальные и культурные процессы среди бедуинов. Другое достоинство новой книги Л. Штайна состоит в том, что она предназначена не только для специалистов. На этот раз Л. Штайн отказался от утвердившегося в научной литературе способа изложения материала и обратился к динамичной форме путевого очерка. Общие сведения и исторические справки умело соединены с выразительными зарисовками самых различных эпизодов из быта бедуинов. Написанная просто и живо, книга доступна любому читателю, интересующемуся жизнью других народов Земли. Текст снабжен прекрасными фотографиями, большая часть которых сделана самим автором.

Л. Штайн умело сопоставляет картины старины с событиями последних лет, а форма очерка дала ему возможность свободно распределить материал исторического характера по всем десяти главам книги. При этом основные сведения о традиционной культуре кочевников все же сосредоточены в самых первых главах. Л. Штайн убедительно показывает, что и по сей день в жизни бедуинов сохранились очень многие черты прошлого. Как и века назад, они обитают в палатках, строго придерживаясь установленного деления жилища на мужскую и женскую половины; прежним остался и порядок распределения утвари на каждой половине, причем круг предметов, характерных для быта кочевника, подвергся лишь незначительным изменениям. Нет существенных новшеств и в одежде, и в пище кочевников — не угасло даже пристрастие к такому экзотическому лакомству, как высушенная подсолненная саранча; как и в старину, девушки украшаются татуировкой. Сложившиеся тысячи лет назад формы быта сопутствуют исконному общественному укладу бедуинов. Чрезвычайно устойчиво держится деление на племена, состоящие из подгрупп и более мелких подразделений; огромную роль в жизни соплеменников играют шейхи. Гостеприимство и кровная месть, власть отца в семье, приниженное положение женщины — все это явления сегодняшнего дня в пустынях, где странствуют бедуины. Образ мыслей современных бедуинов все еще воспроизводит древние нормы и обычаи, издавна регулировавшие

¹ L. Stein, *Die Sammar-Gerba*, «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Heft 17, Berlin, 1967; егo же, *Zum Problem der Raubzüge (gazû) bei den Sammar-Gerba*, «Annals of the Náprstek-Museum», 2, Praha, 1963; егo же, *Eine neue Sammlung iraqischer Ethnographika im Museum für Völkerkunde zu Leipzig*, Teil 1, Araber, «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd. XX, Berlin, 1964, и др.

отношения в обществе кочевников. Страницы, посвященные религиозным верованиям бедуинов, говорят о том, что и сейчас, как и во времена Мухаммеда, кочевники-арабы по-прежнему крайне поверхностно знакомы с исламом, и многие предписания религии совершенно не имеют влияния в их среде. Л. Штайн объясняет причину такого консерватизма. Не соглашаясь с мнениями, имеющими хождение в буржуазной науке, он считает, что от перемен в образе жизни бедуинов оградил сам способ хозяйствования с его ограниченными возможностями для развития (стр. 30) ².

Однако при целом сохранении архаики в быту многих групп кочевников бедуинский мир в целом претерпел огромные изменения, обусловленные общими преобразованиями в современном мире. Автор подчеркивает, что и прежде кочевники не были изолированы от оседлого населения — номады не только тревожили земледельцев набегами, но и устанавливали за определенную дань опеку над отдельными районами, вели оживленный обмен продуктами, порою сосредоточивая торговлю в своих руках ³. А в наши дни научно-технический прогресс все прочнее связывает пустыни с оазисами.

Первые существенные изменения в бедуинском обществе Л. Штайн справедливо относит к колониальному периоду, когда английские и французские власти стали активно вовлекать арабов в сферу своей политики. В целях создания системы косвенного управления колониальная администрация склоняла шейхов на свою сторону, превращая их в крупных земельных собственников; это разрушало прежние принципы социального устройства. После первой мировой войны началось освобождение рабов; это был еще один удар по исконному укладу жизни бедуинов. Но действительно существенные перемены, как показывает автор, начались в арабских странах только после завоевания ими независимости, когда у власти встали правительства, энергично способствующие модернизации экономики и социальным преобразованиям. Общая задача преобразований неминуемо соприкасалась с бедуинской проблемой: в ряде молодых арабских государств отчетливо осознавалась необходимость улучшить быт номадов и пробудить их к участию в жизни страны.

Мероприятия, которые проводились и проводятся в целях оказания помощи кочевникам, направлены на решение двух основных вопросов — водоснабжение в пустыне и перевод бедуинов на оседлость. Л. Штайн констатирует, что древняя проблема воды и сейчас еще не решена окончательно. В связи с этим показателем его рассказ о стычке разных «племенных» групп у одного из колодцев в суданской степи. Повод для конфликта был ничтожным: разошлись во мнениях, кто хозяин нескольких пустых канистр из-под бензина. Но прошествие было порождено чрезвычайно напряженной обстановкой, поскольку колодец стал давать меньше воды, старое распределение часов пользования уже не отвечало потребностям, и это вызвало всеобщее беспорядочество (стр. 167—169). Миллионы кочевников, как пишет Л. Штайн, до сегодняшнего дня ведут утомительную работу по подъему воды старыми способами. Но внимание автора больше привлекают перемены. Он подробно пишет о том, как во многих арабских странах внедряются новые, современные способы извлечения воды из земных недр. Улучшается техника возведения искусственных дамб на путях дождевых потоков. Колодцы оборудуются бетонными трубами, механизмуется подъем воды (например, для извлечения воды из колодцев применяются ветряки; в северо-западном Египте уже работают тысячи таких двигателей). Создаются артезианские колодцы, появляются и новые источники как побочный результат бурения скважин в поисках нефти. Автор делится своими впечатлениями о Ливийской пустыне, куда египетское правительство послало его в 1968—1969 гг. для изучения эффективности работ по «борьбе за воду». Он увидел там многочисленные группы инженеров, геологов, строителей колодцев, агрономов и специалистов по животноводству, которые объединили свои усилия, чтобы найти воду в Сахаре (стр. 178). Постепенно проводится в жизнь проект орошения пустыни и основания в Сахаре новых поселков. Этот проект вдохновлен не только раздумьями о судьбах бедуинов, он призван также рассредоточить оседлое население, скопившееся в долине Нила. Л. Штайн уверен, однако, что и современные средства добычи воды не решают всех вопросов. Он приводит пример с трубопроводом от Нила до Александрии, который далеко не полностью удовлетворил потребность жителей в воде (стр. 187—190). В цикле очерков, посвященных проблеме водоснабжения, автор позволяет себе отход от бедуинской темы, когда рассказывает о сложном водном праве в оазисе Сива (АРЕ). Но это отступление (стр. 210—215) вполне логически оправданно, так как служит прекрасной иллюстрацией к состоянию проблемы в целом, острой и для оседлого населения.

Перевод бедуинов на оседлость — еще более сложная и многоплановая проблема, чем борьба за воду, ибо оседание кочевников связано с переменой самого образа жизни и предполагает огромную работу по приобщению бедуинов к современной культуре. Переход номадов к оседлому состоянию происходил много веков назад, археоло-

² Такого же взгляда придерживаются и многие советские ученые. См., например: Г. Е. Марков, *Кочевники Азии*, Автореф. докт. дис., М., 1967; С. И. Вайнштейн, *Историческая этнография тувинов*. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972.

³ Проблема взаимоотношений кочевников с оазисами привлекает внимание специалистов как в нашей стране, так и за рубежом. См., например: «The desert and the sawn: nomads in the wider society», Cairo, 1973.

гические материалы свидетельствуют о промежуточных формах хозяйства еще в ассирийскую эпоху. Отвечая на вопрос, каковы причины оседания, Л. Штайн анализирует неудачную попытку турецкой администрации в прошлом веке покончить с кочевым бытом бедуинов Ирака (стр. 275—276) и приходит к выводу: оседание происходит лишь при благоприятных объективных условиях, когда сами кочевники начинают чувствовать потребность в переменах. В настоящее время имеются серьезные предпосылки для отмирания номадизма. Устанавливаются все более тесные связи бедуинов с оазисами, в результате чего кочевой мир теряет свою относительно хозяйственно-культурную самостоятельность. Многое изменилось не в пользу бедуинов: сократился объем караванной торговли, приносившейномадам существенный доход; моторизованные подразделения полиции осуществляют действенный контроль над номадами; наконец, побывавшая в городах и на службе в армии молодежь желает большего, чем может дать образ жизни прадедов. Железные дороги, проведенные через территории кочевания бедуинов, необычайно приблизили лагерь номада к центрам современной цивилизации.

В течение последних двух десятилетий в ряде арабских стран идет большая планомерная работа по переводу бедуинов на оседлость. Резкая ломка старых традиций болезненна, поэтому преобразования осуществляются через переходные формы. Первые шаги к оседлости делают номада полукочевником. Эта форма, как указывает Л. Штайн, может существовать и десятилетия, и столетия. Полукочевники обычно строго держатся за сезонные хозяйственные циклы. Так, в Месопотамии полукочевые бедуины засевают поля в начале зимних дождей и уходят в район пастбищ, где они и прежде пасли свой скот. Пребывание на пастбищах совпадает с охотой. К началу сухого сезона (апрель-май) происходит обратное движение людей и животных к полям с созревающим урожаем, скот пасется поблизости от деревьев на сохранных для него пастбищах. Кроме верблюдов, овец и коз, у полукочевых бедуинов уже появились ослы, применяемые в пахотных работах, и крупный рогатый скот. Это говорит о переходе к полuosедлому образу жизни; быков на зимние пастбища не берут, и часть населения остается в деревне круглый год. Число полuosедлых поселений неуклонно растет (стр. 292 и далее).

Однако препятствия на пути процесса оседания велики и связаны не только с большими пространствами неосвоенных земель и численностью бедуинов, но и с властью старых привычек. Бедуины неохотно меняют тип жилища. Типичным признаком оседлых и полuosедлых деревень служат черные шерстяные палатки, натянутые рядом с домами: в них живут, когда благоприятствует погода. Л. Штайн не раз видел современный дом, используемый как загон для скота, в то время как хозяин с семьей жил в палатке (стр. 186, 187). Даже в случаях, когда экономическая выгода новшеств очевидна, кочевники не всегда спешат внести изменения в прежний ритм своих занятий. Очень интересен в связи с этим рассказ автора о переговорах с бедуинами баккара (Судан). С помощью Советского Союза суданское правительство построило в юго-восточной части Кордофана завод для переработки молока. Этот завод был задуман как средство использовать большие хозяйственные резервы кочевников. Но первое время завод не мог работать из-за недостаточных поставок молока. Номады не привыкли продавать молоко. Они охотнее дарили, чем продавали этот продукт. Кроме того, среди баккара держалось мнение, что молодняк содохнет, если не будет получать достаточно молока. Еще в 1972 г., несмотря на разъяснительную работу, мощность завода использовалась только наполовину. Л. Штайн воспроизвел в книге записанный на магнитофонную пленку разговор директора завода с шейхами бедуинов. Эта беседа (стр. 284—292) дает яркое представление об отношении номадов к переменам. Трудности завода в Кордофана позволяют автору подчеркнуть, что работа по вовлечению кочевников в новый образ жизни требует много терпения и такта, хорошего знания обычаев и привычек бедуинов. Так, администрация завода оборудовала колодцы вокруг города с целью привлечь баккара, но колодцы оказались вне традиционных путей перекочевки.

Автор обращает внимание на консерватизм социальной организации, которая сохраняется в процессе оседания (стр. 295). Так, прежние вожди в деревне выступают в роли старосты; даже городские кварталы населены членами одной и той же родственной группы. Устойчиво и традиционное мировоззрение, которое мешает осуществлению многих преобразований. Л. Штайн, например, передает свой разговор с одним поселившимся в деревне бедуином. Этот человек не собирался претворять в жизнь призывы правительства придерживаться планирования семьи. «Дети — вся радость в жизни и, кроме того, опора в старости, — сказал он этнографу. — Я теперь стал зарабатывать больше, чем в свою битность батраком, и неужели не могу позволить себе семью побольше?... Возможно, со временем возьму и вторую жену» (стр. 186). Традиционные взгляды мешают успехам образования. Автор сам видел, как некоторые родители посылали детей к стаду вместо школы.

Правительства таких стран, как Алжир, Египет, Ирак оказывают разностороннюю помощь кочевникам. Строятся образцовые деревни, создаются образцовые поля. Организуются кооперативы для приобретения семян и сбыта продуктов. Бедуинам предоставляется современная медицинская помощь, расширяется сеть школ для их детей. Л. Штайн считает, что в Египте проблема перевода бедуинов на оседлость в основном решена (впрочем, там в последнее время номады составляли небольшую часть

населения в отличие от других арабских стран). Но в других государствах предстоит еще проделать колоссальную работу с затратой больших финансовых средств и привлечением тысяч специалистов. При всех трудностях, которые стоят на пути перехода кочевников к оседлому образу жизни, судьба бедуинов представляется Л. Штайну ясной. «Вымирают ли бедуины?» — спрашивает он в названии одной из глав и отвечает: «Не надо быть пророком, чтобы сказать, что бедуинство как социальное явление идет к концу» (стр. 312). Численность кочевников неуклонно уменьшается за счет пополнения категории полукочевых населения. Классическое бедуинство, описанное в первой части книги, исчезает, но не физически; напротив, как свидетельствует статистика, численность бедуинов значительно быстрее растет после оседания, чем при кочевом образе жизни.

Автор объясняет, почему правительства развивающихся стран заинтересованы в оседании бедуинов. Наряду с такими факторами, как забота о росте национального самосознания, которому противостоит племенная идеология, Л. Штайн называет главную причину — экономическую. Экстенсивное хозяйство дает мало пользы для страны. В развивающихся странах быстро растет население, и задача освоения новых земель у нынешних степей и пустынь является чрезвычайно актуальной.

Заклучая книгу, Л. Штайн подчеркивает, что ведущую роль в этой борьбе за преобразование природы играет Советский Союз с его планами преобразования среднеазиатских пустынь (стр. 314, 315). На опыт СССР, в частности связанный с оседанием кочевников и орошением безводных земель, опираются специалисты Алжира, Египта и ряд других стран. Советская Средняя Азия дает лучший пример использования районов, где возможно только скотоводство. Здесь совершенно обязательно сохранять кочевое население. В среднеазиатских республиках имеются совхозы со специализированными бригадами, которые посменно пасут стада, тогда как основная масса населения живет оседло. Такая организация хозяйства и быта позволяет животноводам пользоваться всеми социальными и культурными благами, которые принес народам социализм. Богатый положительный опыт в этом отношении накоплен и в МНР.

Книга Л. Штайна очень полезна для ученых, изучающих кочевые и полукочевые народы за пределами арабоязычного мира. Эта работа побуждает специалистов вновь сопоставить бедуинов с другими кочевниками, в частности с тюркоязычными племенами Средней Азии. Поразительная близость культур заставляет вернуться к вопросу о причинах сходства. Кое-что легко объясняется самой спецификой образа жизни: это и племенная структура, и знаки племенной собственности (тамги), и племенной клич (уран), и почтительное отношение к верблюдам, и нормы поведения в обществе, обусловленные обычным правом. Отдельные черты традиционной культуры могли стать общими в итоге распространения ислама среди тюркоязычных народов. Однако ряд культурных элементов, видимо, является наследием очень древнего общения кочевых и полукочевых племен, с незапамятных времен бродивших по пустыням от Центральной Азии до Северной Африки.

Л. Штайн не ставил перед собой цель сравнивать бедуинов с другими кочевыми народами. Но, пожалуй, несколько страниц, посвященных этнографическим параллелям, более выгодно показали бы место бедуинов в общей картине исторически сложившихся хозяйственно-культурных типов человечества. Возможно, было бы также целесообразным более подробно остановиться на опыте нашей страны по переводу кочевников на оседлость. Однако ясно, что эти пожелания выходят за рамки основной темы автора.

Книга Л. Штайна является новым свидетельством того, что популярная форма изложения научного материала завоевывает прочные позиции, и все больше ученых считают нужным обратиться к жанру беллетристических очерков, сделав, таким образом, итоги своих исследований доступными и широкому кругу читателей. Написанная ученым-марксистом книга «Кочевники пустыни» с ее обилием сведений о современных процессах в мире кочевников-арабов заслуживает перевода на русский язык.

В. Н. Басилов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Willard Burgess Moore, Molokan oral tradition. Legends and memorates of an ethnic sect, Berkeley and Los Angeles, 1973, 82 p.

В свое время из дореволюционной России в США эмигрировало несколько групп сектантов-молочан (духовных христиан). Как сообщает автор рецензируемой книги, основная волна этой эмиграции приходится на 1904—1912 гг. Иммигранты расселились в ряде районов США, большинство в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. По данным 1970 г., в первом проживает около 15 000 молочан, в организационно-конфес-